

Чеховские корни

Бычков Ю.

Жизнь не баловала Антона Павловича Чехова. И детство нельзя назвать благополучным, и в студенческие годы приходилось постоянно заботиться о хлебе насущном. Да и первые годы, когда он работал врачом, тоже не назовёшь лёгкими. Но упорства, трудолюбия и чувства юмора — качеств характера, помогавших преодолеть невзгоды, — Чехову было не занимать. Они, можно сказать, достались ему в наследство от отца Павла Егоровича.

Юрий Александрович Бычков, посвятивший творчеству и жизни Антона Павловича не одну книгу, настаивает: отмечая юбилей писателя, мы должны отдать должное его предкам, и в особенности отцу — Павлу Егоровичу — человеку очень незаурядному и наделённому многочисленными талантами.

Летом 1876 года, чтобы избежать долговой ямы, Павел Егорович Чехов с женой и детьми тайно перебрался в Москву. В Таганроге за хозяина остался Антон. С этого момента он — кормилец разорившейся семьи. Шестнадцатилетний гимназист даёт платные уроки, распродает по мелочи имущество, домашнюю утварь, вносит плату за обучение, закрывает всевозможные долговые обязательства. Оставшиеся, но отнюдь не избыточные деньги посылает в Москву бедствующей семье.

У таганрогского градоначальника Антон Чехов добился права на пенсион для себя на время обучения в Московском университете. Под его опекой и руководством — брат Иван. Он всюду поспекает. Много читает. У Антона широкий круг знакомств среди взрослых людей, имеющих вес в обществе, о чём по сей день мало что известно. Написанная восемнадцатилетним Антоном Чеховым пьеса «Безотцовщина» («Платонов») многолюдна, насыщена проблемами, драматическими коллизиями, характерными для людей зрелого возраста.

Ещё в годы таганрогской юности в Антоне Чехове проявились такие качества, как организованность, целеустремлённость, ответственность, собранность, воля, унаследованные от предков. А корни генеалогического древа Чеховых уходят в толщу воронежского крестьянского чернозёмного края. Дошедшие сведения о целеустремлённых, даровитых, волевых предках — прадеде, деде, отце писателя — свидетельствуют: было в кого пойти Антону Чехову, было что унаследовать от достойных уважения и восхищения его предшественников в роду,

Думается, эта знаменательная дата — хороший повод обратиться к истокам, к традициям семьи, сложившимся благодаря отцу — Павлу Егоровичу Чехову и матери — Евгении Яковлевне (урождённой Морозовой). Ведь неслучайно все братья и сестра Антона Павловича тоже были одарёнными людьми, писали рассказы, рисовали, любили и знали музыку.

А вот в массовом сознании сложилось и продолжает бытовать по сей день представление об отце великого писателя как о самодуре и мучителе своих детей. Причина этого кроется в розыгрышах, составлявших соль внутрисемейных отношений, в иронии, насмешливости, свойственных Чеховым. Проскальзывавшие в частных строках писем Антона и его старшего брата Александра иронические высказывания в адрес отца подхватили некорректные комментаторы, размножили это и утвердили в общественном сознании. Что чрезвычайно несправедливо.

Именно поэтому так ценна подготовленная к публикации «Родословная А. П. Чехова», составленная племянником писателя Сергеем Михайловичем Чеховым. Это исследование окрашено естественным желанием сообщить миру, чем интересны прямые предки и вообще все родственники Антона Павловича. «Родословная...» недвусмысленно от-

вечает на вопрос, что же унаследовал Антон Павлович Чехов от своих предков по прямой линии.

В своё время первым из родни начал составлять родословную Михаил Павлович Чехов, выпустивший книгу «Вокруг Чехова» (1924). «Со слов отца, — писал он, — мне известно, что у прадеда был брат, Пётр Емельянович, который по какому-то случаю соби­рал на построение храма, исходил всю Россию пешком вдоль и поперёк и действительно выстроил церковь в Киеве».

Прерву в этом месте рассказ Михаила Павловича, чтобы вспомнить, как близок да­лёкий предок, Пётр Емельянович, с его беспокойным характером и неутомимостью Анто­ну Павловичу (а может, и наоборот — Антон Павлович Петру Емельяновичу). Будучи из­вестным писателем, более того, рискуя здоровьем, Антон Павлович отправляется в науч­но-гуманитарную экспедицию на Сахалин по железной дороге, на лошадях, по воде (едва не весь Амур проплыл!). Мотив поездки и у того и у другого — бескорыстие, благотвори­тельные устремления.

Повествование Михаила Павловича чрезвычайно важно для осознания крепости и значительности «чеховского корня». Предтеча — его дед, Егор Михайлович. «Наша се­мейная хронология застаёт Егора Михайловича в селе Ольховатка, Воронежской губер­нии, Острогожского уезда, уже женатым, имеющим трёх сыновей и дочь. Все они крепо­стные помещика Черткова, внук которого впоследствии был ближайшим единомышлен­ником Льва Толстого. Ненасытная жажда свободы заставила нашего деда выкупиться на волю ещё задолго до всеобщего освобождения крестьян. На выкуп дочери Александры денег не хватило, и, прощаясь с помещиком, он убедительно просил его не продавать её на сторону, а подождать, пока у него будут деньги и он сможет выкупить и её. Чертков подумал, махнул рукой и сказал:

— Так уж и быть, бери её в придачу».

Какова же была цена вопроса? Во что обошёлся выкуп из крепостной зависимости? Егор Михайлович уплатил своему помещику 3500 рублей ассигнациями, по 700 рублей за душу — свою, жены, трёх сыновей. Как мог обычный крестьянин добыть такую значи­тельную сумму денег? Существуют предположения, что он помимо хлебопашества зани­мался отхожим промыслом. Несомненно одно: сумма эта накоплена длительным, упор­ным трудом. Осуществить мечту и добиться свободы можно было только благодаря ис­ключительной силе воли. Выход из крепостной зависимости изменил судьбу его детей, предопределил будущее потомков.

Следует упомянуть несколько фактов, проливающих свет на вопрос: откуда про­исходят Чеховы? Ответ попытался дать Сергей Михайлович Чехов (племянник Антона Павловича), внимательно, подробно проследивший ветвь, идущую от Егора Михайловича. И он по косвенным данным пришёл к выводу, что Егор Михайлович родился в последние годы XVIII столетия в Ольховатке, которая в начале XIX века входила в состав Слобод­ской Украины и была населена на 90 процентов украинцами. Чеховы там, несомненно, люди пришлые, из Великороссии, что доказывает их русская речь. Не сохранилось ника­ких сведений о ранних годах Егора Михайловича. Отец с малолетства приучал его к хле­бопашеству, но при этом обучил и грамоте, что помогло ему в дальнейшей жизни.

В возрасте около 25 лет Егор Михайлович женился на шестнадцатилетней крестьян­ке-украинке Ефросинье Емельяновне Шимко, родом из Зайцовки, что в десяти верстах от Кантемировка.

Антон Павлович в письмах и разговорах подчёркивал, что он на четверть хохол. Эта «четверть» конечно же унаследована от бабушки, Ефросиньи Емельяновны.

Через год после свадьбы в семье Егора Михайловича появился первенец — Миха­ил, а в 1824 году — Павел, отец великого писателя. Со временем Егор Михайлович пере­селился с семьёй в Зайцовку, к своему тестю Емельяну Шимко, покинув в Ольховатке ближайших родственников, давших впоследствии многочисленное потомство земледель­цев.

Жизнеописание Егора Михайловича даёт представление о масштабной личности, цельной натуре, человеке незаурядных способностей и высокого достоинства. Было в кого пойти его внуку Антону Чехову!

Чем занимался Егор Михайлович в первые годы после выкупа, восстановить сложно. Несомненно лишь, что он был очень «подвижен» — как пишет автор «Родословной» — и у него образовались связи с приазовскими городами, что дало ему возможность в 1844 году устроить своего второго двадцатилетнего сына Павла на службу к таганрогскому купцу и городскому голове Кобылину и приписать его к Обществу ростовских мещан, к которому и сам был приписан. Видимо, после этого Егор Михайлович поступил писцом в имение графа Платова Крепкая, расположенное в 55 километрах от Таганрога на реке Гузлов, куда он переселился с женой и младшим сыном Митрофаном. Довольно быстро Егор Михайлович становится управляющим необъятного имения, а ещё через несколько лет графиня смещает его с должности и перемещает с понижением в управляющие усадьбой Княжья, в двенадцати километрах от Крепкой. По характеру Егор Михайлович был очень своевольным, упрямым и крутым. В силу этого он не поладил с хозяйкой-графиней, которая ценила его высокие качества как управляющего и всё же перевела Егора Михайловича в Княжью, чтобы держать подальше от себя.

Наделённый организаторскими способностями и необычайно сильной волей, Егор Михайлович, строгий и требовательный к подчинённым, взыскивал за малейшую провинность или нерадение. Бережливость по отношению к хозяйскому добру сочеталась в нём с исключительной личной честностью. Он жил скромно, как простой крестьянин, в маленькой хатке, стоявшей подле большого, всегда пустовавшего барского дома. За долгие годы службы управляющим он ничего не накопил себе и не оставил детям никакого наследства. Единственным его капиталом стал маленький клочок земли с небольшим домиком в Таганроге на углу Елизаветинской улицы и Донского переулка, которые он подарил сыновьям Павлу и Митрофану.

Летом 1871 года Егора Михайловича в Княжьей навестили внуки Александр и Антон — в то время ещё ученики гимназии. Дед был очень дружен с ними, вместе курил и просил не говорить об этом их отцу и дяде Митрофану. Страницы, посвящённые отцу писателя, Павлу Егоровичу Чехову, снимают многие, если не все, наговоры досужих комментаторов. Он отдал своим детям всё.

С ранних лет у Павла Егоровича проявились склонности к искусствам. Десятилетним мальчиком он учился пению по нотам у местного дьячка Остапа и вскоре стал петь в церкви на клиросе первым дискантом, а когда ему исполнилось 13 лет, обучился игре на скрипке у приехавшего и поселившегося в доме Чеховых регента-дьякона. Тогда же освоил азы рисования.

Пятнадцатилетний Павел выучился Закону Божьему у священника Константина Устиновского, женатого на дочери ольховатского священника.

У арендатора Ольховатского сахарного завода Гирша Павел Егорович изучал сахароварение. Через два года, оценив честность юноши, арендатор послал его в Москву с гуртом быков для продажи. Это первое «дело» уже свободного Павла Чехова, выкупленного отцом на волю в 1841 году.

Через три года Павел Егорович поступил на службу к купцу и городскому главе И. В. Кобылину, сначала, вероятно, учеником, а затем приказчиком по конторской части.

Прослужив у Кобылина 13 лет, кажется обусловленных заранее, Павел Егорович в 1857 году открыл свою собственную небольшую лавку, где продавались бакалейные и колониальные товары. В этом же году он перевёлся из мещанского сословия в купеческое. В сохранившемся документе касательно этого перевода сказано: «Основываясь на свидетельстве Ростовского мещанского общества, что общество мещан согласно уволить из своего сословия его, Чехова, для причисления в купеческое звание, так как на нём недоимок по податям и повинностям не числится и купеческом 3-й гильдии свидетельстве, выданном ему 31 декабря 1857 года Таганрогским магистром, об уплате им в оный подле-

жащих с объявленного по г. Таганрогу купеческого 3-ей гильдии капитала в гильдейскую повинность денег, а равно усматривая, что он, Чехов, у исповеди и св. причастия ежегодно бывает и к вредным ересям не принадлежит, то по сему казённая палата полагает: исключить с начала сего 1858 г. из числа Ростовских мещан Павла Егоровича Чехова и причислить с того же времени в Таганрогские 3-ей гильдии купцы с капиталом 2400 руб. се-ребр.».

Вначале торговля шла хорошо, что дало возможность Павлу Егоровичу уже в 1859 году получить свидетельство купца 2-й гильдии. Однако к торговле как таковой он не испытывал влечения. Свои гильдии он выплачивал лишь по настоянию жены, так как в будущем это могло дать сыновьям освобождение от продолжительной военной службы. Все его подлинные интересы сосредотачивались на церковных службах, искусствах и общественных делах: он долгое время служил по городским выборам, не пропускал ни одного чествования, ни одного публичного обеда, на которые собирались все местные деятели, любил пофилософствовать.

Страстный любитель духовного пения, Павел Егорович дирижировал хорами в церквях и устраивал домашние богослужения, в которых участвовали все члены семьи. Он хорошо играл на скрипке и непременно по нотам, а в свободное время любил рисовать. Его картину «Иоанн Богослов», выполненную тушью, тонким пером, высоко ценил Антон Павлович — она постоянно висела на стене в его кабинете.

Личная честность и порядочность Павла Егоровича были незыблемы и иногда обращались против него в торговом деле. Девиз «Не обманешь — не продашь» для него не существовал. Он откровенно ставил в известность своих покупателей о качестве продаваемых товаров и приносил этим себе ущерб, когда товары почему-либо были непервосортными и когда об этом другой умолчал бы.

Затеянная Павлом Егоровичем в 1874 году постройка дома на земле, подаренной отцом, нерасчётливое отношение к торговому делу и привели к разорению.

Подвёл его подрядчик Миронов, всадивший в постройку много кирпича, а некий Гавриил Парфентьевич Селиванов поступил нечестно с выданными Павлом Егоровичем векселями. В конце концов, чтобы не попасть в долговую яму, Павел Егорович вынужден был бежать. 23 апреля 1876 года он тайно уехал в Москву к двум старшим сыновьям — уже студентам. Здесь начался тяжёлый период: поиски службы, бедность, недоедание и заботы о приехавшей вслед за ним семье. Через своего племянника, Михаила Михайловича Чехова, ему удалось получить временную работу по счётной части в амбаре купца Гаврилова, но очень скоро вновь наступила безработица. Десять месяцев ходил Павел Егорович по Москве без всякого занятия и лишь в феврале устроился к строителю Троицкого подворья на Ильинке для составления отчёта. Наконец в ноябре 1877 года Гаврилов принял его на постоянную службу конторщиком с правом жить и столоваться у хозяина. Павел Егорович оставил семью и поселился в Замоскворечье. Приехавший в 1879 году из Таганрога Антон, как только встал на ноги и добился первых успехов на газетном поприще, тотчас сделал всё, чтобы вернуть отца в семью.

Потекли годы, те самые годы, в которые Антон Чехов из студента-медика и газетчика превратился в уважаемого врача и известного писателя.

Только после того, как Антон Павлович Чехов приобрёл имение Мелихово, Павел Егорович перебрался в усадьбу и прожил там последние годы: следил за садом, вёл дневник и помогал по хозяйству.

Любовь к порядку стоила ему жизни. Однажды он поднял тяжёлый ящик с провизией, и у него произошло выпадение грыжи, осложнившееся ущемлением и омертвлением. Антон в это время находился по рекомендации врачей в Ялте и не мог оказать ему помощь. Пока Павла Егоровича везли по ужасной дороге на станцию Лопасня, затем более двух часов поездом в Москву, началось заражение. Мучительная, долгая операция не спасла его. Он умер 11 октября 1898 года и похоронен на Новодевичьем кладбище. Чаще всего с оттенком осуждения в печати не раз писали о суровости Павла Егоровича, о дес-

потизме, о расчётливости, переходившей в скупость, о замкнутости, о строгости к детям, которых он воспитывал, применяя телесные наказания, о фанатичной религиозности и тому подобное. Многие из написанного противоречиво, многое просто неверно.

Думается, после того как будет опубликована «Родословная...», отпадёт версия о «трёх каторжниках», певших в церкви под властным взглядом отца, о «Росписании делов семейства Павла Чехова», висевшем в назидание на стене в первой московской квартире, и о всём том, что приводят хулители Павла Егоровича как доказательство, насколько безрадостным было детство писателя Антона Павловича Чехова.

Всему этому следует противопоставить лишь одно: воронежский крепостной крестьянин, позже — ростовский мещанин и таганрогский лавочник, стремился и достиг высокой степени внутренней культуры. И всю жизнь посвятил тому, чтобы дать шестерым детям среднее образование, пятерым из них удалось получить образование высшее! Преодолевая материальные затруднения и прямую нужду, он последовательно шёл к намеченной цели, вкладывая в её осуществление все свои, иногда последние, средства. То, что его сыновья и дочь в студенческие и отчасти гимназические годы вынуждены были зарабатывать и содержать себя, естественно, закономерно и полезно в нравственном отношении. Ведь прежде Павел Егорович заложил в них, детях, жажду к просвещению и упорство в достижении его. То обстоятельство, что сын Иван, которому из-за невыносимой бедности пришлось устроиться на службу учителем начальных классов, не получил высшего образования, легло тяжёлым камнем на душу Павла Егоровича.

Как при этом можно забыть то, что родные братья Павла Егоровича при равном с ним материальном положении не поднялись до такого же уровня, какой себе задал он, определяя в гимназию последовательно всех шестерых детей?!

Если бы Антон Павлович, подобно своим двоюродным братьям Михайловичам или Алёше Долженко, был отдан отцом в мальчики к какому-нибудь купцу, хотя бы к тому же Гаврилову, Россия и мир, по всей вероятности, не получили бы писателя Чехова.

Главная роль Павла Егоровича, его предназначение, как оказалось, заключались в создании условий для формирования личности и таланта у своих детей. От него Антон Павлович унаследовал сильную волю. Несомненно, с детства наблюдая проявление этой воли в отце, он видел в нём пример для себя и сумел воспитать, укрепить эти задатки так, что они помогли преодолеть всё, что писатель Чехов называл «подштанниками жизни, сшитыми из весьма жёсткой материи». Материя эта была до крайности жёсткая.

И, наконец, Павел Егорович сумел сформировать у сына высокоразвитое общественное сознание, проявление которого мальчик наблюдал с того времени, как помнил себя.

Как не сказать в заключение, опять же основываясь на семейном опыте Павла Егоровича, о том, что процесс формирования личности в сыновьях необыкновенно сложен. Так, старшие по возрасту сыновья — Александр и Николай, наделённые талантом, всё же не сумели реализовать себя. Это открылось Антону, когда в 1879 году он приехал в Москву «Гибнет большой русский талант», — сетовал Антон Павлович по поводу своих бесполезных усилий вырвать из богемной среды брата-художника. Антон в своих попытках спасти Николая стал заботливым опекуном, пытаясь передать то, что сам унаследовал от отца.

Возможно, при жизни Павла Егоровича никто из близких в полной мере не признавал, не догадывался, какую важнейшую связующую роль он играл в семье. «Грустная новость, — писал Антон Павлович сестре, — совершенно неожиданная, опечалила и потрясла меня глубоко. Жаль отца, жаль всех вас; сознание, что вам всем приходится переживать в Москве такую передрагу в то время, как я живу в Ялте, в покое, — это сознание не покидает меня всё время. Что мать? Где она? Если она не поедет в Мелихово (ей там тяжело одной), то где ты поселишь её?.. Мне кажется, что после смерти отца в Мелихове будет уже не то житьё, точно с дневником его прекратилось и течение мелиховской жизни». «Это событие, — сообщает Чехов В. М. Соболевскому — перевернуло всю нашу жизнь».

Несомненно, велико было направляющее воздействие Павла Егоровича на внутренний облик будущего великого писателя, с ранних лет склонного аккумулировать в себе добрые человеческие качества. Не забудем же, что поднялся Чехов на могучих корнях.